

**Великая реформа: русское общество и
крестьянский вопрос в прошлом и настоящем**

Том 4

УДК 93
ББК 63.3
В27

В27 Великая реформа: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: Том 4 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 330 с.

ISBN 978-5-518-04258-2

ISBN 978-5-518-04258-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

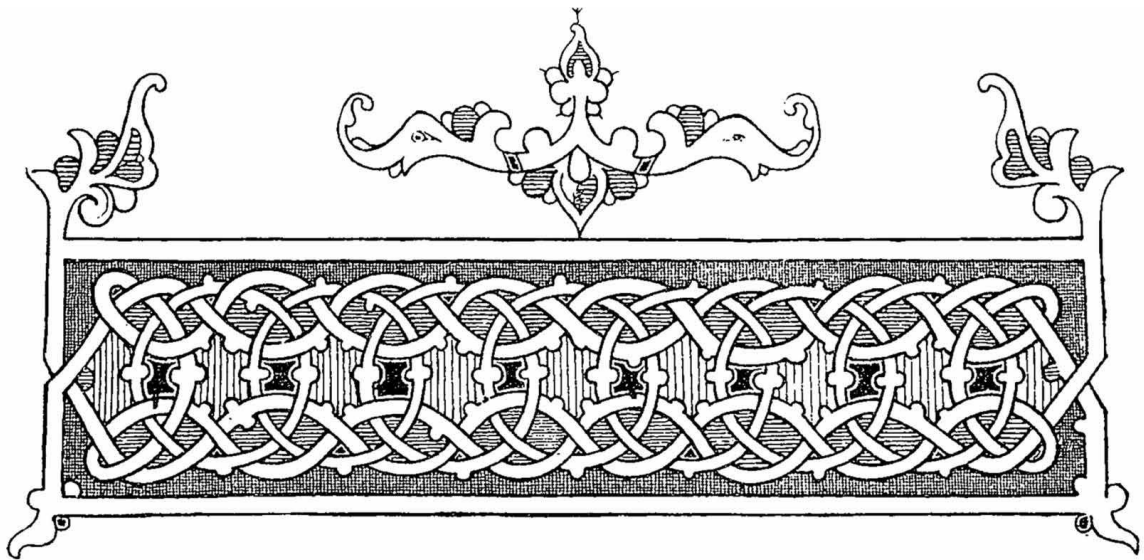
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

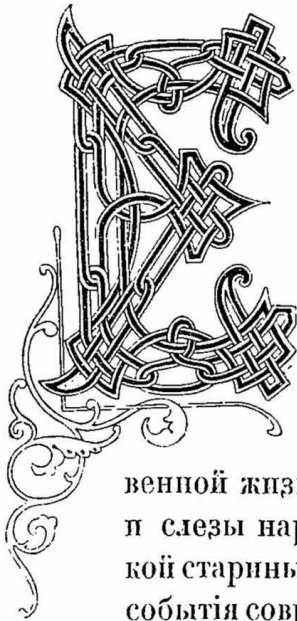
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Крѣпостное право въ народной поэзи.

Н. Л. Бродскаго.

жегодно число сборниковъ народныхъ пѣсенъ увеличивается, но среди новыхъ записей почти совсѣмъ не встрѣчается отголосковъ крѣпостного времени, пѣсенъ „крепацкихъ“ про панщину, ея отмѣну, пѣсенъ о волгѣ, наступившей для крестьянъ съ уничтоженіемъ крѣпостничества. Да и въ массѣ пѣсеннаго матеріала, давно извѣстнаго изслѣдователямъ, эти пѣсни рѣдко встрѣчались, своимъ страннымъ отсутствіемъ невольно поражая интересующихся народнымъ творчествомъ. Великорусская пѣсня, откликнувшаяся на разнообразнѣйшіе случаи личной и общественной жизни русскаго народа, впитавшая въ себя горе и радость, смѣхъ и слезы народныя, съ рѣдкой памятью сохранившая слѣды глубокой старины и каждодневно творящая, отзывающаяся на многоразличныя событія современности,—эта же пѣсня словно прошла мимо крѣпостного времени, скупо обмолвилась о столѣтіяхъ народнаго рабства, пррѣдка выдавивъ стонущій звукъ, глухой ропотъ. Можетъ показаться, что народъ привыкъ къ крѣпостнымъ отношеніямъ, сжился съ рабствомъ, какъ съ бытовымъ явленіемъ, уже не возмущавшимъ его нравственнаго чувства, что долгіе годы приниженія и безправнаго существованія омертвили его душу, вытравили и чувство недовольства подневольной жизнью и желаніе лучшей доли, и что потому крѣпостная эпоха и не отразилась въ народной поэзи? Но

стоитъ только вспомнить народныя волненія, мятежи, бѣгство крестьянъ, самоубійства ихъ — и станетъ ясно, что царь никогда не мирился съ своимъ положеніемъ, что въ душѣ его всегда жило стремленіе избавиться отъ рабства. И не только въ бунтахъ заявлялъ онъ о своемъ недовольствѣ, право на другую жизнь, народъ пользовался всеми доступными средствами, чтобы напомнить о себѣ, о своей горемычной долѣ. Такъ, „барскіе люди“ подбрасывали Петру Великому подметныя письма съ просьбой услышать „гласъ плача усерднаго“, страдающихъ отъ „волковъ свирѣпыхъ“, „змій ехидныхъ“ „просимъ и молимъ и умильно вопіемъ,—били челомъ эти „спроты“—да та на милость преклонимъ о свободствѣ, дабы намъ из Содому и Гомору отграднѣе было“

Въ разсказахъ, слухахъ и легендахъ, упорно бродившихъ по крѣпостнымъ деревнямъ, народъ также выражалъ свое отношеніе къ крѣпостному праву, всегда враждебное къ помѣщикамъ, полное ожиданій, что вся земля будетъ отдана крестьянамъ, что получены „указы“ идти истреблять паповъ и т. д. Мы еще многого не знаемъ о настроеніяхъ народной массы въ эпоху крѣпостного права, многіе документы, характеризующіе психологію крестьянства того времени, еще погребены въ разныхъ „древлехранилищахъ“. Въ архивѣ канцеляріи Военнаго Министерства, напр., имѣется интересная тетрадка „Московскія новости или новыя правдивыя и ложныя слухи, которые послѣ виднѣе означатся, которые правдивыя, а которые лживыя, а теперь утвердить не однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ списывать для дальняго время незабвеннаго, именно 1825 года, съ декабря 25 дня“. Эти слухи, челомъ 51, записанные дворовымъ человѣкомъ Федоромъ Федоровымъ, рѣзко отражаютъ, по словамъ Шильдера, народный протестъ противъ крѣпостного права, а отстраненіе великаго князя Константина Павловича отъ престолонаслѣдія является въ народной фантазіи какъ бы слѣдствіемъ его намѣренія освободить крѣпостныхъ; цесаревичъ является жертвой своего заступничества за народъ. Встрѣчается, между прочимъ, такой разсказъ, что великій князь, „видя такое неустроенное въ Россіи варварское па все россійское простонародіе, самовластное и тяжкое притѣсненіе“, вознамѣрился по возможности уничтожить оное и для этой цѣли обратился за помощію къ австрійскому императору, который обѣщалъ двинуть 150 тысячъ войска (28 слухъ, 8 февр 1826).

Нѣтъ нужды, что одинъ изъ проповѣдниковъ вольности и независимости крѣпостныхъ людей — дворовый Тимофей Кирилловъ, громко произносившій на улицѣ „неприличныя и даже бранныя слова“ насчетъ помѣщиковъ, былъ наказанъ розгами, („оного Кириллова за столь буйственный и дерзновенный поступокъ слѣдовало бы наказать наистрожайшимъ образомъ и публично“,) — несмотря на всѣ запреты наказанія, жажда воли проявлялась въ крѣпостномъ крестьянствѣ все чаще и

могущественнѣе. Въ концѣ 50 годовъ о свободѣ говорила крестьянину даже телеграфная проволока, только что протянувшаяся по уѣздному тракту; по свидѣтельству Фета, крестьяне говорили тогда, что это тянуть имъ изъ Петербурга волю. Неужели же эти народныя настроенія не отразились въ его поэзіи? И если они должны были сказаться въ ней, то почему у насъ такъ мало пѣсенныхъ отраженій крѣпостной эпохи? Главной причиной малаго количества народно-поэтическихъ откликовъ на панщину¹⁾ является та „инквизиціонная опека“, которая долго тяготѣла надъ народной пѣснью, народнымъ сатирическимъ творчествомъ. Внѣшнія неблагопріятныя условія мѣшали какъ сложенію подобныхъ пѣсень, такъ и появленію ихъ въ печати. Еще въ Московской Руси духовная и свѣтская власти дружно объявили походъ противъ народной пѣсни, запрещали „глумы и кошуны“, предписывали „не чинить

Деревенскія сцены (рис. Мартынова 20 гг.).

скарденныхъ и смѣхотворныхъ укоризнъ“, грозили батогами и ссылкой въ украинныя города тѣмъ, кто въ пѣснѣ осмѣивалъ духовенство, высучивалъ барство, нападалъ на власть имущихъ. Что скоморохи — эти единственные представители старорусскаго „мірскаго“ искусства—съ развитіемъ крѣпостного права стали глумиться надъ помѣщиками, разжигать народную ненависть къ боярамъ, показываесть хотя бы слѣдующій фарсъ, чрезвычайно популярный въ Великороссіи въ XVII столѣтіи: на сцену выходилъ бояринъ въ карикатурѣ, на головѣ у него была горлатная шапка изъ дубовой коры, самъ онъ былъ надутый, чванливый, съ оттопыренной губой. Къ нему шли челобитчики и несли посулы въ лукошкахъ — кучи щебня, песку, свертокъ изъ лопуха и т. п. Челобитчики земно кланяются, просятъ правды и милости,

¹⁾ Говоримъ сравнительно, имѣя въ виду массу откликовъ на другія событія народной жизни.

но бояринъ ругаетъ ихъ и гонитъ прочь. Ой, бояринъ, ой, воевода, любо было тебѣ надъ нами издѣваться, веди же насъ теперь самъ на расправу надъ самимъ собой,—говорятъ челобитчики и начинаютъ тузить боярина, грозятъ его утопить. Затѣмъ являются двое лохмотниковъ, которые и принимаются гонять толстяка прутьями, приговаривая:

— Добрые люди, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ.

Въ слѣдующей сценѣ является купецъ и начинаетъ считать камешки, изображающіе деньги. Лохмотники бросаются на него и тормошатъ.

— Дѣлись съ нами! — кричатъ ему. — Награбилъ съ народа за гнилой товаръ.

Отобравъ деньги и расправившись съ бояриномъ и купцомъ, добрые молодцы отправляются какъ бы во „царевъ кабакъ“, пьютъ и поютъ:

Ребятюшки! Праздникъ, праздникъ!

На матушкѣ Волгѣ—праздникъ!

У батюшки праздникъ, праздникъ!

Сходится голытьба па праздникъ!

Готовьтесь, бояре, на праздникъ!

Представленіе заключалось обращеніемъ къ толпѣ: „Эхъ, вы, купцы богатые, бояре тароватые! Ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, открывайте ворота растворчаты, принимайте гостей голыхъ, босыхъ, оборванныхъ, голъ кабацкую, черпъ мужицкую, неумытую“. Подобныя сцены, будившія народное недовольство, сыграли не малую роль въ смутахъ и мятежахъ и, несомнѣнно, вызывали усиленные гоненія противъ скомороховъ. Не способствовали появленію сатирическихъ пѣсенъ и петровскіе указы, гласившіе, что „за составленіе сатиры сочинитель ея будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ“.

И впослѣдствіи „сочинители“ эти продолжали находиться „подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія“. Народная пѣсня вынуждена была обходить молчаніемъ печальныя стороны русской жизни. Пѣвцы и пѣвицы зачастую подвергались тяжелымъ наказаніямъ за пѣсни, въ которыхъ касались барства. Одинъ лирникъ, со словъ котораго записаны были крепакія пѣсни, печально признавался: „Божому человѣку добре за сю пѣсню досталось, знавъ и я, и голова моя, и спина моя!“

Если пѣсни про панщину вообще вытравлялись самими помѣщиками, не нуждавшимися въ этомъ случаѣ въ особыхъ правительственныхъ указахъ, то цензурныя власти, въ свою очередь, ревниво оберегали читателя отъ появленія подобныхъ пѣсенъ въ печати, исправляя и калѣча памятники народнаго творчества иногда до неузнаваемости. Въ самыхъ певинныхъ текстахъ подозрительное око цензуры видѣло крамолу. Въ 40 годахъ подверглась строгому запрещенію лубочная картинка, „какъ быкъ не захотѣлъ быть быкомъ“. Текстъ въ срединѣ картинки—„быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, да и слѣ-

лался мясникомъ, когда мясникъ сталъ бить въ лобъ, то, не стерпя его удара, ткнулъ рогами въ бокъ, а мясникъ съ ногъ долой свалился,—то быкъ выхватить топоръ у него потщился; отрубивши ему руку, повѣсилъ его вверхъ ногами, и сталъ таскать кишки съ потрохами“,—текстъ этотъ казался тогдашнимъ цензорамъ намекомъ на расправу крѣпостныхъ крестьянъ со своими господами „за жестокое обращеніе“. Что подъ ударами, сыпавшимися съ разныхъ сторонъ, безвозвратно погибло много сатирическихъ пѣсень, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но не только въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ кроется причина того, что намъ извѣстно сравнительно ничтожное количество „крѣпостныхъ“ пѣсень. Съ уничтоженіемъ крѣпостной неволи цензурныя препоны уже не мѣшали появленію въ печати подобныхъ произведеній народной поэзіи. Думается, вина отчасти лежитъ и на этнографахъ, бросившихся съ 60 годовъ преимущественно на сѣверъ, въ край старинокъ,

Деревенскія сцены (рис Мартынова).

и слишкомъ мало обратившихъ вниманія на тѣ пѣсни, сказки, въ которыхъ народъ касался крѣпостной эпохи и которыя, несомнѣнно, бытовали въ центральной Россіи. Малорусскихъ изслѣдователей народная поэзія заинтересовала не только своей „эпичностью“, не только „своей плѣнительной младенческой наивностью, теплой любовью къ природѣ и обаятельной силой чудеснаго“ (какъ это было у Леанасьева и другихъ великорусскихъ ученыхъ): въ первые же годы крестьянской свободы они дали въ журналахъ, газетахъ цѣлый рядъ записей на интересующую насъ тему, и потому инвентарь ихъ пѣсень, преданій, сказокъ неизмѣримо богаче великорусскаго. Конечно, особя условія, въ которыхъ жило малорусское крестьянство ¹⁾, испытывавшее гнетъ со стороны чуждой не русской и иновѣрной національности, должны

¹⁾ А также и бѣлорусское

были сказаться въ большей яркости изображеніи крѣпостной эпохи и созданіи большого количества пѣсенъ по данному вопросу. Но и въ Великороссіи ходили въ народѣ рассказы о помѣщикахъ, раздавались пѣсенные стоны, выражалось ожиданіе воли и радость при ея наступленіи!.. Пока не поздно, надо спасать остатки народной поэзіи крѣпостного періода. И теперь еще появляются новыя записи пѣсенъ съ характерной помѣткой: „изъ ходячей рукописи“. въ печати встрѣчаются указанія, что среди крестьянъ продолжаетъ существовать литература стихотворныхъ памфлетовъ на крѣпостную эпоху. Много любопытнаго матеріала, вѣроятно, лежитъ въ нашихъ губернскихъ архивахъ, въ старыхъ дѣлахъ изъ цикла помѣщичье-крестьянскихъ отношеній.

Набросаемъ сейчасъ картину этихъ отношеній, заглянемъ въ дореформенную деревню, прислушаемся, что сказалъ самъ народъ о своей подневольной жизни—въ тѣхъ памятникахъ своей поэзіи, которые извѣстны намъ въ настоящее время.

О! Горе намъ, холопемъ, за господами жить!
И не знаемъ, какъ ихъ свирѣпству служить!..
О! Горе намъ, холопемъ, отъ господъ и бѣдство!..
Пройди всю подселенную—нѣтъ такого житья мерзкова!..
Во весь вѣкъ сколько можемъ мы, несчастные, пожить.
И всегда будемъ мы, несчастные, тужить,—

слышится горе народное въ „плачѣ холоповъ“ Брань и побои, безраздѣльная власть помѣщика надъ личностью и собственностью крестьянина, забитость и страхъ мужицкіе, сознаніе неизбывности страданій до конца жизни—ярко выступаютъ въ этомъ замѣчательномъ произведеніи XVIII вѣка.

Противны стали нынѣ закону господа,
Не вѣрятъ слугамъ ни въ чемъ и никогда!
Безъ выбору насъ, бѣдныхъ, ворами называютъ,
«Напрасно хлѣбъ ѣдимъ»—всечасно попрекають.
А если украдемъ господскіи одинъ грошъ,
Указомъ повелятъ его убить, какъ вошь.
А баринъ украдетъ хоть тысячъ десять.
Никто не присудитъ, что надобно повѣснить..
На власть Создателя перестали уповать
И нами, какъ скотомъ, привыкли обладать..
Боляринъ умертвить слугу, какъ мерина,—
Холопью допосу и въ томъ вѣрять не велѣно
Неправедны суды составили указъ,
Чтобъ съчъ кнутомъ тирански за то насъ...

Крестьянская свадьба.

(Лубочная картина из коллекции Бахрушина в Историческом музее).

Знатъ мы всѣ несчастны на свѣтъ рождены,
 Что подъ власть такимъ тиранамъ вонѣкъ утверждены!
 За что намъ мучиться и па что вѣкъ тужить?..
 Лучше намъ жить въ темныхъ лѣсахъ,
 Нежели быть у сихъ тирановъ въ глазахъ:
 Свирѣпо на насъ глазами глядятъ
 И такъ, какъ бы ржа желѣзо, ѣдятъ...
 Пропали наши бѣдныя головы
 За господами лихими и голыми!
 Всѣ мы въ немилосердныхъ рукахъ связаны,
 Какъ будто такимъ татствомъ обязаны.

Страхъ передъ помѣщикомъ наполнялъ крестьянскую жизнь сплошнымъ ужасомъ:

Плачь, крикъ, слезы льютъца,

Вси боляцца, вси трясутьца —

говорить пѣсня „Тарасовицкій Данило“, памфлетъ котораго на крѣпостное право приведенъ ниже, вспоминаетъ, что до 1854 года „пановъ боялись хуже черта“ .. Малорусскій крестьянинъ передъ тѣмъ, какъ войти къ помѣщику, читалъ молитву, стоя передъ дверью: „Миколаі угодникъ, скорый помощникъ, поможи и пособи мені грішному и въ полі, и въ домі, и въ путі, и въ дорозі—одъ злихъ людей, одъ поганныхъ очей, одъ нечистыхъ речей и одъ поганоі тварюки“ Послѣ же этихъ словъ, не переводя духу, трижды произносилъ, переступая порогъ: „якъ порігъ мовчить, якъ сволокъ мовчить, такъ и ты, пане, мовчи!“

И не даромъ онъ боится, вѣдь „барская милость — что кисельная сытость“. „пану девить разъ услужіу, а разъ ни ўслужіу—усе и прапала“; вѣдь за малѣйшую оплошность крестьянинъ можетъ подвергнуться жестокому наказанію:

300 (палокъ) дали Емельяну,

Что не скоро снялъ шапку пану.

Этотъ же страхъ передъ панами проходитъ красной нитью и въ пословицахъ. „хвали рожь въ стогу, а барина—въ гробу“, „чортъ душу выме, а панъ шкуру здыме“, „пана повѣсуюць, три дня передъ нимъ шапку зймай, часомъ оторвецца“.

Помѣщики, что хотѣли, то и дѣлали („панъ що хоче, те й робить“; „господинъ, что плотникъ, что захочеть, то и вырубить“; „панска воля—наша доля“). И конца не было ихъ издѣвательствамъ, не щадили ни чести жепской, ни возраста, ни сязъ мужицкихъ:

Всѣ они были панами,
 Начальпцками надъ нами.
 Они были и за судей,
 Насъ не чтили за людей,

Крѣпостными насъ имѣли,
 Сами смачно пили, ѣли,
 Роскошничали, гуляли,
 Насъ па скотину мѣняли:

Гошипревскій Булгаку
 Э души далъ за собаку.
 Мучили насъ хуже скотины:
 Не было березки,
 Съ которой бы не ломали розги,
 На нашу-то грѣшну спину
 Ломали лозу и осину.
 Въмѣсто борща ѣли снытки,
 Сорочки грубы, какъ рогожки,
 А что касается сапогъ,
 Мужикъ и думать о ихъ не могъ,—
 Ноги ихъ вѣчно въ лаптяхъ гнили;
 Тѣла грѣшнаго не мыли...
 Безъ вины били, карали,
 Насильно замужъ отдавали:
 Хоть какъ дѣвица не хочеть,
 Съ кѣмъ захочеть,
 Обвѣнчасть. Молодые наипчи
 Брали дѣвокъ для почи.
 Чуть только 15 лѣтъ,
 Каждая сама идетъ.
 А если сама не явится,—
 Имѣя надъ нею власть,
 Разовъ первую сотню за то дастъ.
 Замужнюю, когда захочеть,
 Каждую къ себѣ волочетъ,
 Мучить ее цѣлую ночь,
 А мужа отгоняетъ прочь.
 Зато мужья и молодки
 Носили на ногахъ колодки,
 И въ желѣзы еще ковали,—
 Такъ-то сильно горевали!
 Трудно было подъ панами:

Смѣялись они надъ нами,
 Терпѣли отъ боя боли,
 На рукахъ были мозоли,
 Не было изъ насъ человѣка,
 Чтобъ безъ бою дожидъ вѣка.
 Бывало, въ кровавомъ потѣ,
 Въ сильный холодъ на болотѣ,
 Межъ купьл, въ водѣ по колѣно,
 Для пановъ косили сѣно,
 А бабы и дѣвки рядами
 Загребали сѣно за нами.
 Гдѣ лѣсъ рубили и косили,
 Дѣти обѣдъ туда носили,
 Вереть за 5 или за 7,
 Голодные и холодные совсѣмъ.
 Тамъ волки ихъ пожирали
 И, заблудившись, умирали,
 Бывало, стараго калѣку
 И слабаго человѣка,
 Последняго работника съ хаты,
 Кого хотя, сдаютъ въ солдаты,—
 Къ спасенію не было надежды.
 Голодные, безъ одежды
 Зимой дрова панамъ возили,
 Руки и ноги морозили
 И, какъ ничтожные рабы,
 Сбирая ягоды и грибы,
 Лѣтомъ ими себя питали.
 Тогда мы были дурны.
 Хаты были курны,
 И въ горькомъ дымѣ
 Корчились въ дому.

Произволь и насилье барскіе на каждомъ шагу. Вотъ пѣсня о томъ,
 какъ „плакала, тужила наша Обозерска свобода“, какъ „разорилъ нашу сто-
 ронку злодѣй бояринъ, господинъ“, какъ „повыбралъ онъ, злодѣй, молодыхъ
 нашихъ ребятъ во солдатунки, а насъ, крестьянскихъ дѣвушекъ, во служа-
 почки, молодыхъ молодушекъ во кормилочки, а матушекъ съ батюшками на
 работунку“

Въ другой пѣснѣ еще болѣе ужасныя подробности о раззорѣ цѣлой семьи:

...батюшку съ матушкой за Волгу везуть,
 Большаго-то брата въ солдаты куютъ,

А середниго-то брата въ лакеи стригуть,
 А меньшого брата въ прикащики.

Пословица также отмѣтила тяжесть господской власти: „барская просьба—
 строгіи приказъ“. „неволя— боярскій дворъ: ходя наѣшься, стоя выспинься“